

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на
мѣстѣ четыре руб., съ пере-
сылкою пять р. с. **№ 51.** Подписка принимается въ ре-
дакціи сего журнала, при кіев-
ской семинаріи.

1870 года. Декабря 20-го.

Содержаніе: Поученія по случаю выгона домашняго скота послѣ зимы на пастбище.—Какъ учить малолѣтнихъ дѣтей молиться Богу.—Старые обычаи и новые взгляды.—Русское проповѣдничество при Петрѣ 1-мъ.—

ПОУЧЕНІЯ ПО СЛУЧАЮ ВЫГОНА ДОМАШНЯГО СКОТА ПОСЛѢ ЗИМЫ НА ПАСТБИЩЕ

IV¹⁾.

Откуда это, братіе, взялись у насъ тѣ нуаши, удовлетворенія которымъ мы требуемъ отъ домашнихъ животныхъ нашихъ? Почему мы этихъ живыхъ и чувствующихъ тварей Божіихъ обращаемъ въ пищу себѣ, беремъ съ нихъ себѣ одежду, заставляемъ ихъ трудиться для насъ и доставлять намъ удобства и удовольствія жизни? Такъ ли это устроено Господомъ Богомъ отъ начала міра, или же это есть дѣло нашей воли?

Отвѣта на это нигдѣ нельзя найти, кромѣ какъ въ священнѣйшей книгѣ христіанъ, называемой *Библією*, которой, къ безславію нашему, мы, будучи христіанами, не

¹⁾ См. №№ 17, 20 и 25-й.

имѣемъ въ домахъ своихъ и которой, къ стыду нашему, будучи людьми и, стало быть, не безъ разума, мы читать не научились и не умѣемъ.

Грязнымъ пятномъ—скажу къ слову—лежитъ на насъ, други мои, наша неграмотность. По неграмотности своей мы хоть и люди, да *темные*, какъ справедливо и называемъ себя таковыми, и хоть христіане, да не лучше тѣхъ иновѣрцевъ, тѣхъ, какъ обзываемъ мы ихъ, *нехристей*, которые имѣютъ въ домахъ своихъ и умѣютъ читать книги своей вѣры. О, какъ желательно, чтобы это пятно мы смыли по крайней мѣрѣ съ дѣтей нашихъ, обучивъ ихъ грамотѣ; чтобы по крайней мѣрѣ они не говорили уже о себѣ, въ стыдъ себѣ и намъ: »мы люди темные«; но, какъ зрячіе, собственными бы глазами видѣли себѣ въ пользу и намъ темнымъ прочитали бы въ св. Библии слова Божественнаго откровенія! Порадѣйте же, люди добрые, о просвѣщеніи дѣтей своихъ свѣтомъ ученія; а вы, дорогія дѣти наши, всею душею своею полюбите ученіе, какъ ясныя очи ваши любятъ свѣтъ вотъ этого солнца; ибо ученіе—свѣтъ, а неученіе—тьма.

Такъ вотъ въ этой-то св. книгѣ—въ Библии, которая всегда должна быть на глазахъ нашихъ и слова которой всегда должны быть въ памяти нашей и въ сердцѣ нашемъ, мы находимъ, что человѣкъ отъ начала міра,—отъ самаго сотворенія своего имѣлъ потребности тѣлесныя, но что эти потребности до грѣхопаденія его были не таковы, каковыми онѣ стали теперь, и удовлетворялись тогда не такъ, какъ стали удовлетворяться послѣ грѣхопаденія. Въ первой же библейской книгѣ, именно въ книгѣ *Бытія* на первыхъ ея страницахъ говорится все—какъ оно было сначала и какъ стало потомъ—о пищѣ человѣка, объ одеждѣ его, о трудѣ и объ удобствахъ и удовольствіяхъ жизни его на землѣ.

О пищѣ. О пищѣ въ книгѣ Бытія говорится такъ.

Когда Богъ сотворилъ человѣка—*мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27), какъ сказывается тамъ: то, благословляя ихъ на жизнь и умноженіе рода, сказалъ имъ: *вотъ Я даю вамъ всякую траву, сиющую сѣмя, какая есть на всей землѣ, и всякое дерево, отъ котораго есть плодъ древесный, сиющій сѣмя; вамъ сіе да будетъ въ пищу* (ст. 29).—Я прочиталъ стихъ этотъ по русски, т. е. такъ, какъ пишутъ и говорятъ теперь; потому, что по славянски—какъ писали и говорили самые дальніе предки наши—нѣкоторые слова въ немъ для насъ непонятны. Такъ же буду читать я и другіе стихи, въ какихъ встрѣтятся непонятныя для насъ славянскія слова.

Такъ вотъ что первоначально назначено было Господомъ Богомъ въ пищу человѣку: сѣмена растеній и плоды деревь. Пшца самая лучшая, какая только была тогда на землѣ! Это не тѣ тощія сѣмена и худородные плоды, какими свудно надѣляетъ насъ земля теперь; это—плоды земли, полной благословенія Божія,—плоды деревь, которыя Самъ Богъ создалъ и призналъ *добрыми въ снѣдь* (Быт. 2, 9). Если и теперь сѣмена и плоды составляютъ лучшее и совершеннѣйшее, что приносятъ растенія и деревь, то, не въ примѣръ лучше, были тогда сѣмена растеній и плоды деревь райскихъ. Какъ лучшая изъ всѣхъ другихъ, пшца эта назначена была только человѣку, лучшему и совершеннѣйшему изъ всѣхъ созданій Божіихъ на землѣ; ибо прочимъ живымъ тварямъ земнымъ Богъ назначилъ въ пищу только траву. А *всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому пресмыкающемуся по землѣ, въ которомъ есть душа живая, даю Я всю зелень травную въ пищу* (Быт. 1, 30), сказалъ Господь въ тоже самое время, когда Онъ назначалъ пищу человѣку. Пшца эта, данная Богомъ человѣку, вполнѣ удовлетворяла природѣ тѣла человѣческаго, крѣпкаго, ненуряемаго отъ трудовъ, не знавшаго ни утомленія, ни сла-

бости, ни болѣзней. Не истощала его эта пища и не разстроивала, но давала ему крѣпость и силу. А одно изъ деревь, именно *древо жизни посредь рая* (гл. 2, ст. 9) назначено было доставлять такую пищу человѣку, что вкушая ее, онъ никогда не умиралъ бы, но *сталъ бы жить во вѣкъ* (Быт. 3, 22).

Такъ было до грѣха, и такъ было бы всегда, если бы совсѣмъ не было грѣха. Но когда человѣкъ согрѣшилъ, тогда Богъ лишилъ его этой пищи. Чтобы земля не могла уже давать человѣку, согрѣшившему, тѣхъ произведеній и плодовъ своихъ, какіе давала она ему, когда онъ былъ безгрѣшенъ, Господь отнимаетъ у ней ту силу плодородія, какую она имѣла вначалѣ. *Проклята земля за тебя* (Быт. 3, 17), сказалъ Онъ согрѣшившему Адаму; и земля изъ многоплодной и доброплодной стала вдругъ скудородною и худородною. Прежде она родила сама собою, безъ посѣва; теперь потребовала отъ человѣка тяжелыхъ трудовъ обработки и засѣва: *въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой* (ст. 17), сказано было человѣку. Прежде она произращала въ пищу человѣку вкусные и питательные плоды; теперь стала произращать ему буюль и негодныя въ пищу травы тамъ, гдѣ онъ сѣялъ пшеницу: *тернія и волчцы возрастутъ на тебѣ* (ст. 18). Прежде человѣкъ питался пищею, сообразною съ своею-человѣческою природою; теперь долженъ былъ питаться пищею безсловесныхъ животныхъ: *ты будешь питаться полевую травою* (ст. 18), сказалъ ему Господь. Но и эта скудная, непитательная и грубая пища должна была доставаться человѣку съ такою нуждою, что и ѣсть-то онъ ее былъ не въ радость и въ сладость, а въ печаль: *въ печальхъ твоихъ съищи твою вся дни живота твоего* (ст. 17), сказано было ему.

Такую перемѣну сдѣлалъ грѣхъ человѣка въ землѣ. Не меньшую перемѣну произвелъ онъ и въ тѣлѣ челове-

скомъ, подвергши его разрушенію и смерти. Въ слѣдствіе преступленія заповѣди Божіей, т. е. грѣха, всякаго рода недуги и немощи, всякія болѣзни и самая смерть обрушились на грѣшника. Надъ нимъ во всей силѣ долженъ былъ исполниться приговоръ праведнаго суда Божія: *земля еси, и въ землю отидеши* (Быт. 3, 19). Во всей же силѣ своей исполнялся—и, къ несчастію нашему, доселѣ исполняется приговоръ этотъ и надъ всеми людьми, какъ потомками грѣшныхъ прародителей,—какъ потомками того человѣка, которымъ *содѣнъмъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть: и тако смерть во вся чловѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшихомъ* (Рим. 5, 12). Преемство родовъ въ людяхъ не только не ослабло, но, напротивъ, умножило и усилило грѣхъ, и все послѣдствія грѣха: горе, бѣдствія, несчастія, болѣзни, страданія, смерть... Чередовались на свѣтѣ люди, и, въ слѣдствіе грѣха, помощи и болѣзни тѣлесныя болѣе и болѣе усиливались и умножались въ каждомъ новомъ родѣ. И эта *земная наша арамия тѣла* (2 Кор. 5, 1) разшаталась и разслабла наконецъ до того, что ее уже не могла поддерживать та пища, какою питала человѣка земля своими скудными и тощими произведеніями. Поэтому, Господь, въ намѣренія Коего не входило теперь ни сохранить человѣка по тѣлу безсмертнымъ, ни вовсе истребить родъ человѣческій съ лица земли,—ибо Онъ предопредѣлялъ уже *п сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенъмъ сооживитъ Христомъ* (Еф. 2, 5),—пріобавляетъ человѣку новую пищу. Благословляя праведнаго Ноя и сыновъ его на умноженіе рода человѣческаго послѣ потопа, Онъ говоритъ имъ: *все, что движется и живетъ, вамъ да будетъ въ пищу; вамъ даю Я все, подобно какъ и зелень травную* (Быт. 9, 3). Вотъ начало пищи отъ животныхъ,—пищи мясной и рыбной! Пища эта если и болѣе тлѣнна, чѣмъ растительная, за то болѣе способна поддерживать тѣло чело-
вѣ-

ческое, слабость котораго дошла до того, что требовала сильнѣйшихъ вспоможеній для его сохраненія. Пища эта стала естественною для тлѣннаго по природѣ своей тѣла человѣческаго. И употребленіе ея, какъ благословенное Богомъ, не несогласно съ смотрѣніемъ Божиимъ о спасеніи человѣка; ибо какъ до грѣхопаденія человѣка Богъ хотѣлъ возвести его въ полному блаженству путемъ жизни и безсмертія, такъ послѣ грѣхопаденія Онъ восхотѣлъ возвести его къ тому же путемъ тлѣнія и смерти, дабы, *когда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣнное, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, исполнилось написанное: пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54).

Такова исторія пищи человѣческой по сказанію св. Библіи.

Объ одеждѣ. Обѣ одеждѣ въ той же книгѣ Бытія говорится такъ: *и бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдятся* (Быт. 2, 31).

Три выгоды доставляетъ намъ одежда наша: она защищаетъ насъ отъ холода и отъ зноя, служитъ для насъ нѣкотораго рода украшеніемъ и прикрываетъ нашу срамоту. Ни въ чемъ этомъ не нуждались наши прародители, пока несогрѣшили. Тѣло ихъ было такъ крѣпко, что не боялось ни холода, ни зноя, ни ненастья, ни вьюги, словомъ—никакихъ перемѣнъ въ воздухѣ. Да и самыя перемѣны эти не были тогда разрушительны для человѣка, каковыми онѣ стали потомъ и каковы онѣ теперь. Ибо земля, на которой сотворенъ и поставленъ жить человѣкъ, не чужая была ему сторона,—къ ней принадлежалъ онъ тѣломъ своимъ; и потому земныя стихіи подчинены были ему, какъ высшему и совершеннѣйшему изъ созданій Божиихъ на землѣ. Тѣло прародителей нашихъ было такъ красиво, что не требовало никакихъ украшеній. Мы не знаемъ, какова была красота его, потому что никто не успѣлъ видѣть ее, даже первая дѣти Адама и Евы. Такъ

скоро обезобразилъ грѣхъ человѣка! Но, если сообразимъ, что тѣло перваго человѣка образовано было такъ сказать руками Самаго Бога: *и созда Богъ человѣка, персть възмъ отъ земли* (Быт. 2, 7), что оно соединено было съ неземною душою, а душа носила въ себѣ образъ Божій, что въ чертахъ лица его и въ глазахъ сіяла эта непорочная и святая душа, и что человѣка Господь Богъ, какъ сказалъ одинъ святой отецъ (Григорій Нисскій), «какъ икону свою во храмъ поставилъ во вселенной»; если сообразимъ все это, то не можемъ не убѣдиться, что тѣло первозданнаго и невиннаго человѣка было прекраснѣе всякой красоты земной. Тѣло прародителей нашихъ не нуждалось и въ прикритіи срамоты. Они были наги; но нагота ихъ не похожа была на нашу наготу. Свою наготу мы ощущаемъ и стыдимся ея; а они своей не ощущали и не стыдились ни другъ передъ другомъ, ни передъ Богомъ, съ Которымъ бесѣдовали лицомъ къ лицу, — не стыдились не отъ безстыдства, какъ дѣлаютъ нынѣ теперъ: но отъ того, что, будучи невинными и чистыми по душѣ, они не ощущали, поелику и не имѣли, ничего нечистаго и срамнаго въ тѣлѣ своемъ.

Такъ было съ ними, пока они не согрѣшили. Но совершѣмъ иное произошло, когда согрѣшили. Не тѣми глазами стали смотрѣть они на тѣло свое, равно какъ и на все прочее, каковыми смотрѣли прежде. Прежде въ тѣлѣ своемъ они не видѣли наготы; теперь увидѣли въ немъ наготу, которую слѣдовало прикрыть, какъ нѣкоторый срамъ и соблазнъ другъ для друга: *и отверзашася очи объма, и разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. 3, 7). Новыя какъ бы очи явились у грѣшниковъ, — очи способныя видѣть и въ чистомъ нечистое, потому что ими смотрѣла не чистая уже, какъ прежде, но нечистая душа! *И разумѣша, яко нази бѣша, и сплота листѣе смоковное и сотвориша себѣ препоясанія* (ст. тотъ же). Вотъ первая одежда человѣческая!

Но это-одежда, сшитая, какъ горится у насъ, на живую нитку. Ею въ грѣховномъ замѣшательствѣ своемъ прародители наши думали остановить въ себѣ новое, непріятное для нихъ чувство наготы; и только. Но что тѣло ихъ потеряло черезъ грѣхъ прежнюю свою брѣпость и силу, что оно стало способнымъ окоченевать отъ холода и стужи, страдать отъ жара и отъ мокроты, дрожать отъ морозу и отъ вѣтру, простуживаться отъ сырости и отъ непогоды, и все другое, что теперь бываетъ съ нашимъ тѣломъ, не только недѣтымъ, но и одѣтымъ—все это было для нихъ еще впереди. И потому Господь, въ милостивомъ попеченіи о нихъ, вмѣсто препоясаній, устроилъ имъ полную одежду, которая защищала бы ихъ и отъ разрушительнаго дѣйствія на нихъ стихій: *и сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны (изъ звѣриной кожи): и облече ихъ* (ст. 21). Красивѣе ли они стали въ этой одеждѣ? Едва ли. Что за красота человѣку въ кожѣ звѣря?! Но если ужъ грѣхъ обнажилъ человѣка до скотоподобія и если нагота его стала соблазномъ; то весьма прилично было одѣть человѣка въ одежду. И—опрятная и скромная, свидѣтельствующая о присутствіи стыдливости, одежда столько же краситъ человѣка, сколько напротивъ неряшество и лохмотья безобразятъ его, и сколько открытое безстыдство дѣластъ его отвратительнымъ.

Вотъ вамъ, други мои, исторія одежды человѣческой по той же св. Библии!

Что и какъ говорится въ Библии нашей о трудѣ человека и объ удобствахъ и удовольствіяхъ жизни его на землѣ, объ этомъ побесѣдуемъ мы съ вами, возлюбленные мои, завтра послѣ службы Божіей. Теперь же, послѣ сказаннаго, замѣтимъ особенно то, что, если пища наша и одежда составляютъ насущныя наши потребности, безъ которыхъ мы и жить не можемъ, и что, если этимъ потреб-

ностямъ удовлетворяють домашнія животныя наши, — домашній нашъ скотъ, не потому, чтобы онъ обреченъ на это Богомъ отъ начала міра, а въ слѣдствіе грѣха человѣческаго; то по истинѣ велика любовь и безмѣрна милость Божія къ людямъ. И праведника Онъ любилъ, назначивъ въ пищу ему, что было лучшаго на землѣ; и грѣшника Онъ милуетъ, предоставивъ въ пищу и одежду ему свои живыя и чувствующія твари, не хотя, да кто изъ людей погибнетъ, но да вси въ покаяніе придутъ. Судите же сами, други мои, не существенный ли вредъ дѣлаетъ себѣ тотъ человѣкъ, кто не радитъ о своемъ скотѣ, и тѣмъ самопроизвольно лишаетъ себя пищи и одежды? Съ другой стороны, заслуживаетъ ли такую безмѣрную милость Божію тотъ, кто не дорожитъ ею и оскорбляетъ Творца своего, прилагая грѣхи ко грѣхамъ?.. Аминь.

С. П. Котляревск.

КАКЪ УЧИТЬ МАЛОЛѢТНИХЪ ДѢТЕЙ МОЛИТЬСЯ БОГУ.

»Мой сыночекъ, говорилъ одинъ почтенный отецъ семейства, уже хорошо умѣетъ молиться Богу: знаетъ «Отче нашъ», «Богородице», «Достойно есть» и «Царю Небесный». Я заставляю его каждый день молиться, — а когда не хочетъ, страху задаю, говорю ему: слушай, вотъ трубятъ солдаты, что дѣтей забираютъ, не будешь молиться, возьметъ тебя и броситъ въ рѣку». Отецъ видимо доволенъ своимъ малюткою, — ему четыре года, и несомнѣнно еще болѣе доволенъ своей воспитательной мѣрою и ея результатами. Подобнымъ образомъ побуждаютъ дѣтей молиться Богу — отецъ или мать — наши простолюдины, когда говорятъ: «молись, а то придетъ попъ и ухо отрѣжетъ, а вырастешь, пойдешь на исповѣдь, заставитъ возить себя на стулѣ»... и т. п. Въ томъ и другомъ случаѣ воспитатели задаютъ страху,

пугаютъ и успокоиваютъ себя тѣмъ, что испуганное дитя складываетъ ручки, крестится и, всхлипывая, читаетъ заученныя молитвы. Эта воспитательная мѣра въ развитіи религіознаго чувства дѣтей, встрѣчающаяся во всѣхъ классахъ нашего общества, составляетъ существенный недостатокъ въ этомъ святомъ и великомъ дѣлѣ.

Всякому извѣстно, какъ вообще не надежны и мало-полезны въ дѣлѣ воспитанія часто употребляемыя угрозы, запугиванье, и особенно если онѣ не приводятся въ исполненіе. Въ частности же въ примѣненіи къ дѣлу приученія дѣтей къ молитвѣ, вышеуказанная воспитательная мѣра положительна не состоятельна и вредна. Дитя не хочетъ молиться Богу, отходя ко сну, — не хочетъ или потому, что не чувствуетъ потребности, или потому что утомилось отъ бѣгання и сильно хочетъ спать; родители, или воспитатели, по заведенному порядку, принуждаютъ его исполнять обрядъ и, замѣчая неповиновеніе, прибѣгаютъ къ угрозѣ, страшатъ солдатомъ, что дѣтей непослушныхъ и лѣнивыхъ въ рѣку бросаетъ, попомъ-который не богомольнымъ дѣтямъ ухо рѣжетъ и заставляетъ ихъ возить себя на стулѣ и т. п. Родительская угроза подѣйствовала, дитя совершаетъ обычную молитву. Но какова эта молитва и могутъ ли родители быть увѣрены, что и завтра и послѣ завтра имъ не придется прибѣгать въ этой же мѣрѣ, и слѣдовательно могутъ ли они рассчитывать, что мѣра ихъ сохранить прежнюю свою силу и дѣйственность? Всего вѣроятнѣе и даже несомнѣнно то, что дитя, вслѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ предоставленное себѣ, забудетъ помозиться на сонъ грядущій разъ, два и болѣе, и послѣ того увидитъ, что ни солдатъ не беретъ его, ни попомъ уха не рѣжетъ: что подумаетъ оно? Ясно пойметъ, что его страшили, обманывали, и святое дѣло-молитва будетъ въ его глазахъ дѣломъ тягостнымъ, неисполненіе котораго не в.

чать за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій. Такое дитя, въ послѣдствіи, когда выйдетъ изъ подъ опеки, совсѣмъ можетъ перестать молиться... Что же нужно дѣлать, чтобы безъ угрозъ и пуганій научить дитя молиться Богу?

Нужно знать духовную природу дитяти и слѣдить за естественнымъ проявленіемъ въ душѣ его религіознаго чувства и, сообразно съ постепеннымъ развитіемъ его, употреблять воспитательныя мѣры къ тому, чтобы научить его молиться Богу—искренно, охотно и по возможности сознательно.

»Самая первоначальная, говоритъ пѣмецкій педагогъ Диттесъ, и самая младенческая форма религіи основана исключительно на воображеніи. Она является какъ непринужденная, чисто поэтическая дѣятельность духа, не смущаемая заботами жизни или проблемами мышленія. Каждый ребенокъ мечтаетъ и оживляетъ міръ явленій своею собственною жизнью, олицетворяетъ и идеализируетъ все его окружающее. Это объясняется тѣмъ, что въ человѣческой природѣ сущность и явленіе, духъ и матерія непосредственно даны вмѣстѣ и находятся въ тѣснѣйшей связи между собою. Въ ребенкѣ же тѣло и душа связаны такъ тѣсно, что между ними существуетъ непрерывное взаимодействие, постоянная взаимная обусловленность и зависимость. Ребенокъ сперва только смутно ощущаетъ эту связь, а за тѣмъ мало по малу начинаетъ сознавать ее, но не проводитъ еще разграничительной черты между тѣломъ и духомъ. Потому пониманію ребенка не доступны ни духъ безъ тѣла, ни тѣло безъ духа, ни внутреннія силы безъ внѣшняго явленія, ни внѣшнее явленіе безъ внутреннихъ силъ; для него ничего нѣтъ мертваго, все дышетъ жизнью; но жизнь эта имъ познается только въ чувственной формѣ«¹⁾. Принимая во

¹⁾ «Очеркъ практической педагогики». Сочинен. доктора Ф. Диттеса, директора учител. семинаріи въ Готѣ, въ переводѣ съ нѣмецкаго подъ редак. Г. Паульсона.

вниманіе, на основаніи этихъ совершенно вѣрныхъ словъ, отсутствіе въ дитяти, въ первые годы его жизни, самосознанія и способности непосредственно созерцать неведущее, можно принять въ дѣлѣ пріученія его къ молитвѣ за правило—не внушать такому дитяти никакихъ сверхъестественныхъ понятій о Богѣ, Его отношеніяхъ къ людямъ и ко всему живущему на землѣ, не толковать о необходимости молиться, повиноваться Богу и не пріучать его къ молитвѣ, тѣмъ болѣе не диктовать ему словъ молитвы. Все это не доступно еще такому ребенку и излишняя торопливость въ религіозномъ развитіи ведетъ только къ формализму. Достаточно въ опредѣленные дневные сроки для молитвы подносить малое дитя къ святымъ иконамъ и здѣсь держать его по нѣскольгу минутъ. Пусть оно всматривается въ лики Господа Бога, пречистой Его Матери и святыхъ; такія впечатлѣнія не остаются безслѣдными. При этомъ слѣдуетъ благоговѣйно осѣнять дитя крестнымъ знаменіемъ, и это осѣненіе можетъ благотворно дѣйствовать на впечатлительную его душу. Благотворно также для дитяти, когда оно бываетъ въ церкви для пріобщенія св. таинъ, смотрѣть на предстоящій и молящійся народъ, смотрѣть на то, какъ усердные изъ христіанъ поклоняются святымъ иконамъ и лобызаютъ ихъ. Сколько разъ приходилось замѣчать, что тѣ изъ дѣтей, которыхъ не стращали дома ни солдатомъ, ни священникомъ, смотрятъ внимательно на все, что видятъ въ церкви, тянутся рученками къ царскимъ дверямъ и къ св. иконамъ и охотно цѣлуютъ ихъ, и не отворачиваются съ крикомъ отъ священника съ святою чашею или съ крестомъ въ рукахъ. На третьемъ году, когда уже дитя начинаетъ лепетать и кое-что понимать, полезно иногда, во время молитвы, ставить его съ собою, пріучать его складывать крестное знаменіе и вдумываться въ чтеніе молитвъ, а по приходѣ изъ церкви спрашивать о томъ, гдѣ былъ,

что видѣлъ. Какъ больно смотрѣть, когда напр. ревностная не по разуму и неразумительная мать, изъ желанія скорѣе научить свое дитя молиться Богу, держитъ около себя двухлѣтняго, или немного болѣе того, ребенка цѣлую обѣдную въ напряженіи, заставляетъ его креститься и за непослушаніе награждаетъ его толчками и линками. Ребенокъ стоитъ разсѣянно; но виновать ли онъ въ этомъ, сѣдуютъ ли гнѣваться на него и бить его за то? Нисколько;—разсѣянъ онъ потому, что по своему возрасту и развитію не понимаетъ ничего; что на первыхъ порахъ заняло его, то уже прискучило, а гнѣвъ и побои, которымъ онъ подвергается, возбуждаютъ въ немъ непріязнь къ святому дѣлу и отвращаютъ отъ молитвы, а не привлекаютъ къ ней и не приучаютъ. Итакъ въ первые три года, сообразно съ развитіемъ души ребенка и степенью возбужденія его религіозныхъ потребностей, достаточно для него, чтобы приучить его къ искренней, благоговѣйной молитвѣ, видѣть и дома и въ храмѣ святыхъ иконы, цѣловать ихъ, видѣть лампаду и свѣчу, горящія предъ иконами, видѣть, какъ близкія ему лица молятся, крестятся и кладутъ земные поклоны и иногда вмѣстѣ съ ними стоять на молитвѣ, только безъ возбужденія къ тому угрозами и боями, а охотно, съ любовію, съ веселымъ лицомъ; достаточно для него, если онъ на вопросъ »гдѣ Богъ« укажетъ на св. икону, на небо. Понять что либо болѣе этого онъ еще не въ силахъ.

»Какъ дитя, такъ и народы, продолжаетъ Диттесъ, переходятъ отъ игры воображенія къ познанію, отъ поэтического къ теоретическому міросозерцанію. Тысячекратный опытъ показываетъ, что все существующее и все совершающееся въ мірѣ имѣетъ свое начало, свою *причину* и что причина настоящаго всегда лежитъ въ прошедшемъ. Но если спросить, откуда существующіе теперь предметы получили бытіе и существованіе, и если возрагиться назадъ,

хотя бы чрезъ длинный рядъ условій, чтобы найти *начальную точку* для всего условнаго, то мы тщетно будемъ искать ее въ самомъ мірѣ. Послѣдній не можетъ быть объясненъ самъ собою; первоначальная причина его лежитъ не въ немъ. Поэтому человѣкъ понуждается признать существо внѣ міра, которое хотя само и остается для него непостижимымъ, но объясняетъ ему существованіе міра. Для міра необходимъ *Творецъ*: нѣтъ дѣйствія безъ причины, нѣтъ произведенія безъ творца, нѣтъ закона безъ законодателя. Такимъ образомъ мышленіе неминуемо приводитъ человѣка къ вѣрованію въ Бога» (стр. 303). Итакъ, когда появляется у дитяти сознаніе, когда оно отличаетъ себя отъ другихъ и начинаеть мыслить, соображать, интересоваться всѣмъ окружающимъ, спрашивать, откуда что, и что значить то или другое, напр. откуда солнце, люди и т. п., тогда пора и можно смѣло приступить къ возбужденію въ немъ сознанія потребности молиться Богу, такъ какъ оно въ состояніи уже принять понятія о Богѣ, и о томъ, что безъ Него насъ, и ничего бы не было на землѣ. Видитъ ребенокъ солнце, луну, звѣздное небо, слышитъ громъ, видитъ блескъ молніи, облака, землю съ ея богатою и разнообразною растительностію, деревья, траву, цвѣты, плоды, интересуется всѣмъ, спрашиваетъ обо всемъ; не отталкивайте его, удовлетворяйте, по мѣрѣ силъ, этой любознательности и не опускайте этого счастливаго случая объяснить ему, что Творецъ всего видимаго міра, всѣхъ этихъ явленій природы—Богъ. Дорого нужно цѣнить въ ребенкѣ пробужденіе благоговѣйной любознательности; оно доказываетъ, что во всемъ прекрасномъ Божіемъ мірѣ сердце его съ удивленіемъ чувствуетъ присутствіе высшей силы. Его наблюденія, его грезы и предчувствія побуждаютъ его къ мышленію. Онъ хочетъ знать, откуда, почему, за чѣмъ все существуетъ, и задаетъ безчисленное множество вопро-

совѣ, на которые одинъ отвѣтъ—«все отъ Бога, Онъ Творецъ всего, Провидитель, Источникъ всего живущаго, всемогущій, премудрый и всеблагій». Если такія достуныя дѣтскому уму представленія о Творцѣ міра будутъ имѣть ребенокъ: то смѣло въ урочный часъ говорите ему: »дитя мое! иди, помолись Богу, поблагодари Его за проведенный день, за то, что ты любовался Его солнцемъ, Его зеленью, и проси, чтобы и завтра не былъ ты лишенъ счастья жить и наслаждаться, молись Ему, Онъ нашъ Творецъ и Провидитель». Многократный опытъ свидѣлствуетъ, что такимъ образомъ подготовленные дѣти охотно идутъ къ иконамъ, становятся на колѣни, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и не разсѣянно повторають слова отца или матери, поднявши глаза къ небу, и въ опредѣленное время безъ всякихъ напоминаній высказываютъ желаніе молиться Богу. Когда уже возбуждена въ ребенкѣ такая искренняя потребность молиться Богу: тогда пора сообщать ему понятія о Спасителѣ нашемъ, Его пречистой Матери, ангелѣ-хранителѣ, и насколько возможно и доступно его пониманію уяснять молитвы: »Святый Боже«, »Отче нашъ«, »Царю Небесный«, »Богородице Дѣво радуйся«, »Ангеле Христовъ«. Въ первое время и довольно долго лучше всего самимъ—отцу или матери читать эти молитвы въ то время, когда ребенокъ молится, пока онъ не выучитъ ихъ на память; потому что какъ ни уясняйте, какъ ни упрощайте смыслъ молитвъ, многое въ нихъ еще не по силамъ ребенка, а нѣкоторыхъ понятій рѣшительно невозможно уяснить, напр. »плодъ чрева твоего«. Непониманіе ребенкомъ нѣкоторыхъ выраженій молитвы не должно смущать насъ, лишь бы онъ понималъ существенное, главное въ ней, основную мысль ея,—а этого достигнуть всегда можно. Итакъ съ развитіемъ сознанія въ ребенкѣ, съ пробужденіемъ въ его умѣ мысли и стремленія понимать все, нужно, не забывая прежнихъ

мѣръ и средствъ въ дѣлѣ приученія его къ молитвѣ и поклоненію Богу, знакомить его съ понятіемъ о Богѣ-Творцѣ и Промыслителѣ міра всемогущемъ, всеблагомъ и премудромъ, и затѣмъ располагать къ славословію Его, сообщать ему понятія объ Искупителѣ падшаго человѣка, Сынѣ Божіемъ, Его Пречистой Матери-Заступницѣ нашей, ангелѣ-хранителѣ, — и научить какъ молиться имъ, о чемъ просить ихъ, за что славословить ихъ. При этомъ нужно повременамъ, чтобы узнать, сознательно или машинально молится ребенокъ, спрашивать его до или послѣ молитвы, »о чемъ будешь молиться, о чемъ ты молился, молился ли ты, не забылъ ли ты, дитя мое, о Богѣ«.

»Слабымъ и безпомощнымъ существомъ, замѣчаетъ тотъ же педагогъ Диттесъ, вступая въ міръ и всю жизнь остается чадомъ заботы. Сердце его стремится къ счастію и миру, но ничто на землѣ не можетъ дать его желаніямъ прочнаго и полного удовлетворенія. Бренио его тѣло, ограниченъ его умъ, слабы силы, недолговѣчна жизнь. Ни на что онъ не можетъ положиться съ увѣренностію. Все въ немъ и вокругъ него измѣнчиво и преходяще. Пристращается ли онъ сердцемъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, ему грозитъ пресыщеніе, болѣзнь и смерть; погружается ли въ бездонныя глубины науки, его мучаютъ противорѣчія и сомнѣнія; посвящаетъ ли себя практической дѣятельности, доля его-тяжкій трудъ и безплодные усилія. И такъ какъ человѣкъ здѣсь на землѣ не имѣетъ вѣчнаго пребыванія и не находитъ ни невозмущаемаго блаженства, ни достаточнаго просвѣтленія ума, ни удовлетворенія своему нравственному сознанію: то онъ возлагаетъ надежду свою на жизнь за гробомъ, на ту жизнь, въ которой онъ ожидаетъ исполненія всѣхъ желаній, разрѣшенія всѣхъ недоумѣній, примиренія всѣхъ несогласій« (стр. 305. 306). Такимъ образомъ, чувство безсилія и зависимости и вѣра

въ загробную жизнь, прирожденные человеку, представляють хорошую почву въ душѣ ребенка, для поддержания въ ней искренняго и сознательнаго расположенія къ молитвѣ. Въ дитяти, когда оно начнетъ приходить въ разумъ, начинается развиваться чувство слабости его и зависимости отъ другихъ. Самые заботливые родители не въ состояніи вполне обезпечить счастье, здоровье и жизнь своего дитяти: они сами подчинены высшей силѣ. Ребенокъ не разъ видитъ болѣзнь родителей, не можетъ не знать того, что они могутъ и умереть и что онъ можетъ остаться безпомощнымъ сиротою; видитъ, какъ хоронятъ мертвыхъ, какъ тѣры плачутъ сироты-дѣти, и можетъ понимать, какъ худо дѣтиямъ безъ родителей. Такимъ образомъ брешность всего человѣческаго не можетъ долго оставаться тайною для ребенка, и потому мысль о необходимости высшей силы и Божьей помощи, мысль о лучшей загробной жизни должна быть доступною и уму дитяти и твердо ложится въ душѣ его. Кругъ религіозныхъ понятій дитяти расширяется: путемъ родительскихъ внушеній и наставленій, оно получаетъ болѣе опредѣленные понятія о Богѣ—общемъ, повелителѣ свободныхъ, объ усердной Заступницѣ нашей Богородицѣ, о Богѣ—Судіи живыхъ и мертвыхъ, объ ответственности за нарушение Божіихъ заповѣдей. Такимъ образомъ являются новые предметы, возбуждающіе дитя къ молитвенному изліанію предъ Богомъ и дающіе содержаніе самой молитвѣ. Поэтому, при большемъ развитіи дитяти, должны увеличиться для него и время, употребляемое на молитву, и число самыхъ молитвъ и должно быть для него обязательнымъ присутствованіе при богослуженіи отъ начала до конца. Далѣе, когда по указанію нашей православной Церкви, дитя должно приступить къ таинству покаянія, являются новые молитвы къ развитію въ немъ искренности и разумности въ молитвѣ. Но здѣсь начинается уже воспитаніе, соединенное съ обу-

ченіемъ, — здѣсь уже являются на помощь воспитателю и школа и разныя дидактическія руководства, трактующія объ этомъ; а потому мы не касаемся этого, такъ называемаго, школьнаго періода дѣтства.

Если будетъ принята во вниманіе постепенность развитія въ дитяти прирожденнаго его душѣ религіознаго чувства и, сообразно съ возбужденіемъ и развитіемъ потребности въ немъ молиться Богу, будутъ употреблять кроткія воспитательныя мѣры: то можно быть увѣреннымъ, что такъ послѣдовательно, исторонливо приученный къ молитвѣ ребенокъ не понуждается въ напominаніяхъ о томъ, чтобы онъ и дома въ урочный часъ молился и въ церковь Божию шель, не понуждается въ угрозахъ и наказаніяхъ за ослушаніе и упорную лѣнь, и поступить въ школу достаточно подготовленнымъ къ слушанію уроковъ по закону Божию.

И. Э.

СТАРЫЕ ОБЫЧАИ И НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ¹⁾.

Грустно, что вдохновенная молитва Церкви, испрашивающей у Отца жизни самого дорогаго блага для рода — жизни, эта чистѣйшая, искреннѣйшая мольба о помощи, сохраненіи, умноженіи и продолженіи рода, которую могла внушить и вложить въ уста Церкви только самая горячая любовь, этотъ — непорочный языкъ чистыхъ душъ, языкъ Василиевъ, Григоріевъ, Златоустовъ, — оскорбляетъ стыдливость новыхъ людей ²⁾. И это понятно. Только »для чи-

¹⁾ См. № 50 — й.

²⁾ Странная и по своему характеру прискорбная стыдливость объяла молодыхъ женщинъ нашего времени. Одна молодая мать въ сороковой день, когда, по церковному чину, она должна при-

стыхъ все чисто», по слову св. Апостола. Но если святая идея христіанскаго брака въ нашемъ обществѣ на всѣ возможные лады искажается и обезображивается: если одни на бракъ смотрятъ, какъ на доходную статью, которую можно поправить свои разстроившіяся дѣла; если другіа въ бракѣ видятъ какую-то узду для укрощенія разгуливавшагося баловня-сына; если третьи, износившіеся старпки, прошедши распутія жпзни, *прибѣгаютъ къ браку, чтобы найти въ немъ уютный покой для своей старости; если иные браку придаютъ значеніе ни больше, ни меньше, какъ благодѣнаго покрова для темныхъ дѣлъ жизни; если многому множеству изуродованное понятіе »гражданскаго брака« приходится какъ нельзя болѣе по вкусу, и они изъ всѣхъ силъ восхваляютъ свободу брака и готовы требовать его расторжимости во всякое время, и-если вся эта безпорядочная путаница воззрѣній на бракъ, вся эта житейская грязь и пошлость представленія, къ сожалѣнію, не минуетъ ушей, глазъ и понятій юныхъ членовъ семьи, и даже дѣвицъ,

нестъ своего младенца въ св. храмъ для воцерковленія, не пошла сама, а послала съ младенцемъ свою служанку. Мнѣ стыдно было самой это сдѣлать!« — вотъ ея мотивъ. А гдѣ-то этотъ откуда взялся? Стыдигся порочнаго дѣйствія—такъ; но стыдиться своего высокаго и священнаго достоинства матери, стыдиться явиться въ св. храмъ и съ смиреннымъ сердцемъ принести Богу во освященіе своего младенца, Его-же даръ,—это печальный признакъ оскудѣнія духа и истиннаго пониманія того, что такое есть священный бракъ для христіанина. Многіа изъ матерей вовсе уже не являются во св. храмъ въ день воцерковленія и даже и младенцевъ не посылаютъ, хоть-бы чрезъ служанокъ. Это—іудейство, по ихъ понятію. Какая непроходимая темь лежитъ надъ духовными отношеніями общества къ Церкви! И много, много виноваты въ этомъ сами пастыри Церкви! Они въ большей части случаевъ только исполнители требъ, а не церковно-народные учителя.

такъ какъ въ пустыхъ семействахъ нашего безцеремоннаго времени новости дня охотнѣе всего группируются на всевозможныхъ скандалахъ: то, понятно, насколько молодые члены такой жалкой среды могутъ имѣть чистыя и свѣтлыя понятія о христіанскомъ бракѣ, насколько возможно, чтобы они, такъ сказать, мимовольно не прилагали къ нему тѣхъ грязныхъ и грубыхъ воззрѣній, которыми надѣлила ихъ окружающая среда,—чтобы они на бракъ смотрѣли чистымъ окомъ чистаго сердца и видѣли въ немъ святое исполненіе святыхъ велѣній Творца. Поверхностное-же и пустое воспитаніе, прежде и болѣе всего развиваемое въ женщинѣ желаніе нравиться и наряжаться, легкомысленная подготовка къ жизни, умственная неразвитость, нравственная дряблость души и характера,—все это такъ разрушительно дѣйствуетъ на сердце, все это открываетъ въ пустую и поверхностную душу тѣмъ легче доступъ всѣмъ грубымъ представленіямъ, чѣмъ менѣе въ женскомъ воспитаніи окружающею средою преподаются уроки чистой нравственности и указываются идеалы женственныхъ добродѣтелей въ живыхъ образахъ супруги, матери. Такая молодая женщина иногда читаетъ, но... исторія утомляетъ ее, правоученіе надоѣдаетъ; одинъ только романъ находитъ всегда свободный доступъ къ ея уму: въ иныхъ случаяхъ театръ дополняетъ собою воспитаніе, начатое романомъ. Въ романахъ и на театрѣ она страстно ищетъ сильныхъ ощущеній жизни, романическія сцены которой, дѣйствительно, волнуютъ ее, занимаютъ воображеніе; но, извѣстно, каковою для романическихъ описаній и картинъ всего менѣе служить истинная, нормальная жизнь семьи, гдѣ долгъ, уваженіе къ женщинѣ, признаніе ея призванія, какъ супруги и матери, придаютъ такую прелесть чистому образу женщины, гдѣ женщина и мужчина являются въ жизни какъ-бы естественными половинами одного духовнаго существа, дополняющими другъ

друга. Жизнь, изображаемая въ романахъ, выводимая на сцену театра, способна только забросать поверхностную и пустую женскую душу нравственною грязью, и она въ самыхъ чистыхъ отношеніяхъ бываетъ готова видѣть темную страсть и ею волноваться. Удивительно-ли, что и торжественная обстановка молящейся Церкви въ минуты вѣнчанья не способна оторвать ея мысль отъ обычныхъ представленій романическаго свойства и погрузить ее въ тайну истинной любви, въ тайну жизни не по образцу героинь романовъ, а по строгому и сдержанному образу души, получившей истинно-человѣчное воспитаніе для жизни обязанностей, для дѣлъ любви и свѣта, для нравственно-естественнаго развитія рода, и для истиннаго блаженства въ сознаніи выполненнаго долга, подъятаго немощною женскою природою, но совершеннаго силою крѣпкаго духа, легшаго въ основаніе новой семьи. И женщины, воспитанныя на такихъ чистыхъ женственныхъ образахъ, не стануть развлекаться въ св. храмѣ въ торжественныя минуты вѣнчанья, придавая свой смыслъ отдѣльнымъ словамъ церковныхъ молитвъ, и отыскивая въ нихъ оскорбленіе своей стыдливости, но благоговѣнно раздѣлять горячую молитву Церкви, которая обнимаетъ своею назидающею силою и ихъ жизнь и судьбы всѣхъ будущихъ поколѣній. Такъ воспитанныя женщины радовались бы, слыша въ молитвахъ и святыхъ желаніяхъ Церкви »велегласную« торжественную проповѣдь предъ лицомъ всего рода о высокомъ достоинствѣ женщины, которая создана Богомъ и сопряжена мужу »въ помощь и воспріятіе рода«, какъ существо равное равному, какъ свободная личность, »по благому и непринужденному произволенію«. И если кто, то именно женщины-христіанки должны бы радоваться, что православная Церковь имѣетъ дерзновеніе проповѣдывать строгимъ и цѣломудреннымъ языкомъ святой древности въ развращенномъ и все болѣе развращаемомъ современномъ

обществѣ о святыхъ цѣляхъ брака, что она беретъ подъ свою крѣпкую защиту высокое значеніе женщины—супруги, какъ матери и воспитательницы рода, и въ своей проповѣди торжественно заявляетъ энергическій протестъ за нее противъ ея усердныхъ »развивателей«, которые надѣются оказать ей великую услугу, освобождая ее отъ этихъ священныхъ обязанностей и соглашаясь величать ее только рабскимъ, служебнымъ званіемъ *»на вѣки закрѣпощенной сожительницы«* ¹⁾. Да, мы все должны радоваться за Церковь, что она, пользуясь каждымъ собраніемъ рода въ минуты вѣнчанья, предлагаетъ ему торжественную проповѣдь о законахъ и цѣляхъ брака, и тѣмъ постоянно охраняетъ его отъ новыхъ грозящихъ ему бѣдствій, источникъ которыхъ тѣ-же мрачныя силы страсти, вѣчно враждебныя, вѣчно мятущіяся въ немъ противъ божественныхъ завѣтовъ! Мы должны радоваться, что она, которую покрываютъ укоризнами за насилія человѣчеству, за отсталость, неподвижность и окаменѣлость, за противодѣйствіе вѣшнему благосостоянію человѣчества, за ограниченіе его развитія цѣлями личнаго спасенія, за противообщественное направленіе человѣческой жизни представленіями для нея идеаловъ въ иночествѣ и отреченіи отъ міра ради спасенія ²⁾ и т. п.,

¹⁾ Отеч. Зап. 1870 г. № 9: »Солидные добродѣтели«, романъ П. Боборыгина.

²⁾ Упреки—самые неосновательныя. Церковь никогда не была церковью монаховъ и монахинь. Чествуя память св. подвижника уединенія и молитвы, она ублажаетъ его, какъ »наставника монаховъ и собесѣдника ангеловъ«, указываетъ на него, какъ на »терпѣнія столпъ« и на »образъ кротости«, восхваляетъ его общехристіанскія добродѣтели; но никогда не ставитъ его отшельническую жизнь примѣромъ для всехъ вѣрующихъ, никогда не сводитъ всехъ жизненныхъ путей къ иноческому подвигу. Напротивъ, по образу ея Божественнаго Оспователя, все ея призва-

что она, напротивъ, въ своихъ установлѣніяхъ, въ своихъ отношеніяхъ къ человѣчеству, является его защитницею отъ насилія непріязненныхъ силъ, дѣйствующихъ въ немъ; что она не отстала, а отстаиваетъ на неподвижномъ камнѣ божественныхъ заветовъ благо и истинную жизнь человѣчества и хранить его жизненные пути въ предѣлахъ закона», неровергаемаго слѣпыми страстями; что она есть самая общественная и самая благодѣтельная сила для созиданія благосостоянія рода, ибо хранить въ немъ то, что есть корень, и основа, и залогъ его истинной жизни и всякаго «благожитія»;—что она, свѣтло торжествуя надъ бракосочетаніемъ и собирая вокругъ новой четы родъ для праздника и молитвъ, въ эти свѣтлыя минуты проповѣдуетъ «велегласно» не добродѣтели отшельничества и пустынножительства, а святость брака, любовь совершенную, чистое и непорочное жителство *среди міра* въ надеждѣ сопричастія обѣтованіямъ небесной жизни;—что она высоко стоитъ во главѣ истинно-человѣческой жизни, и что ея священный идеалъ въ возможной полнотѣ развить эту человѣчность въ родѣ, помѣщать человѣку уединиться въ свою личную жизнь и—держатъ его съ собою всегда на высотѣ истинной чело-вѣчности....

Наше время куда какъ благопріятнѣе патріархальныхъ временъ старины для развитія чело-вѣчности. Возможность

не—въ мірѣ, ея мѣсто—»на стогнахъ, халугахъ и распутіяхъ«, ея дѣло—»да не погибнетъ единъ отъ малыхъ«; ея примѣръ—жизнь святаго и избраннѣйшаго ея Апостола, который «всѣмъ былъ вся, да всяко нѣкія спасетъ». И даже тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые, по личному расположенію, избираютъ уединеніе и безмолвіе пустыни,—и тѣхъ она обязываетъ не разрывать, по крайней мѣрѣ, духовнаго союза съ міромъ, молиться за весь міръ и «за всѣхъ, въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія преждеотшедшихъ». Такова молитва инокскаго «помянника».

широкаго научнаго образованія, развитіе средствъ къ общительности, новые общественные порядки, сливающіе различные состоянія и званія въ одно гражданское цѣлое, пріобрѣтенія науки, облегчающія для человѣка ознакомленіе съ человѣчествомъ, естественное и историческое, многообразныя приложенія науки къ удобствамъ жизни, естественно расширяющія область и умственнаго кругозора, несомнѣнное превосходство новаго времени надъ старымъ относительно всего, что составляетъ внѣшнее украшеніе жизни, что облагораживаетъ вкусъ человѣка — все это цѣнныя пріобрѣтенія новаго времени, все это приличная обстановка царя природы-человѣка, и тѣмъ болѣе приличная, что она добыта усиліями царственнаго разума. Но... если въ слѣдствіе этихъ цѣнныхъ пріобрѣтеній прогресса, которыми съ такимъ превозношеніемъ пользуются новые люди, они презрительно относятся къ вѣковѣчному достойному цѣлаго, самособраннаго духа человѣческаго, преданнаго старыми людьми въ прекрасныхъ обычаяхъ, какъ въ какихъ священныхъ символахъ, грядущимъ поколѣніямъ; если это наслѣдіе полной жизни и человѣчнаго союза, обставленное стариною такими простыми, незатѣйливыми, но священными обычаями, чуждо мысли новыхъ людей, отъ которой ускользаетъ внутренній міръ духа, вытѣсняемый пріумноженіемъ внѣшнихъ удобствъ жизни; если они, въ ослѣпленіи, готовы безъ сожалѣнія бросить подъ ноги и сокрушить дорогія старыя формы, въ которыхъ такъ поэтически-жизненно выразился взглядъ православной старины на человѣка, — въ тѣ времена, когда мысль его, не развлекаемая ничѣмъ извнѣ, подъ вліяніемъ церковнаго ученія, работала надъ уясненіемъ для себя идеаловъ родовой жизни и готовила почву для человѣчнаго развитія грядущихъ поколѣній; если эти старыя формы для новаго поколѣнія, отбивающагося изъ всѣхъ силъ отъ рода и его призванія, тяжелы особенно потому, что онѣ,

какъ какія пути, удерживаютъ его въ нѣматыхъ силахъ, рода, человѣчества, въ этихъ концентрическихъ кругахъ истинно-человѣческой жизни, и, пользуясь этимъ гармоническимъ рода, старая всеродная сила—Церковь настоятельно и «благословенно» напоминаетъ ему о цѣляхъ святаго союза мужа и жены «въ помощь и воспріятіе рода»—въ то время, когда оно, вступая въ бракъ, и знать не хочетъ ни о какихъ цѣляхъ, кромѣ наслажденія, здоровья... кромѣ жизни ради процесса жизни; если молящій голосъ Церкви о благословеніи рода вмѣсто того, чтобы привлечь подъ священное знамя рода, разгоняетъ новыхъ людей далеко отъ пути рода; если самое начало семейной жизни знаменуется такимъ горестнымъ разладомъ зиждительныхъ силъ, только гармоніи которыхъ она была бы обязана своимъ нормальнымъ бытіемъ; если Церковь и родъ, двѣ нераздѣльные родоначальныя силы, въ жизни семьи отодвигаются и отходятъ на задній планъ, и семья перестаетъ быть священной оградой мира, счастья, благой и цѣлесообразной жизни нравственно-разумнаго существа отъ колыбели до гроба и вмѣсто того становится сценою, гдѣ антипатія къ Церкви и роду суждено проявиться въ самыхъ разнообразныхъ, въ самыхъ печальныхъ для человѣческаго сердца явленіяхъ смятенія и нестроенія всѣхъ нравственно-духовныхъ началъ, возвышающихъ человѣка, сливающихся людей, семьи, родъ и человѣчество въ единое нравственно великое свободное существованіе: то—позволительно усомниться въ томъ мнѣніи, что наше время ушло далеко впередъ отъ прежняго времени на пути прогресса, и прогрессъ этотъ принесъ съ собою всякое благо, свѣтъ, отраду и облегченіе для горькой человѣческой жизни на землѣ, и что эти новые дары прогресса и цивилизаціи могутъ замѣнить для человѣка по своимъ послѣдствіямъ благотворительнѣйшія связи, скрѣпы и основы, которыми жила и держалась въ роды родовъ истин-

ная жизнь человѣчества въ крѣпости отдѣльныхъ лицъ семьѣ, въ живо чувствуемомъ союзѣ семей съ родомъ, въ единеніи семей и рода въ св. Церкви, совершавшей чрезъ это соприкосновеніе жизней рода въ духѣ любви и братства, предъ святою цѣлью, всѣхъ ихъ объединявшею, свое божественное призваніе въ человѣчествѣ... позволительно и умѣстно, вдумываясь въ отношенія нашего времени къ существеннѣйшимъ и основнымъ законамъ человѣческаго бытія, имъ уничижаемымъ и презираемымъ, съ горькою правдою повторить слова Божественной Истины:

»Какъ польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣщетъ, душу же свою отщититъ?«..

Думаемъ, не нужно много распространяться о томъ, что пастыри Церкви—первые изъ общества, въ которыхъ для новыхъ людей олицетворяется эта отвлеченная для нихъ сила—Церковь, это, по ихъ взглядамъ, царство мрака, духовной ограниченности и коснѣнія, это хранилище всего отсталаго, всего унаслѣдованнаго отъ темной старины, — и поэтому, первые, на которыхъ падаетъ презрѣніе новыхъ людей, отъ которыхъ отварачиваются, и близкое общество съ которыми считается достаточнымъ, чтобы прогнать веселое расположеніе духа, навѣять тоску, развить меланхолію. Для человѣка съ сердцемъ тяжело переносить незаслуженное оскорбленіе, тяжело пить горькую чашу братской непріязни, подносимую тѣми, которыхъ человѣкъ любитъ, счастію которыхъ себя посвящаетъ. И пастырямъ Церкви не легко видѣть отталкивающее отчужденіе и холодность людей новаго поколѣнія, не легко выносить на себѣ презрительные взгляды. Доброе чувство паталыиваетъ человѣка, котораго тяготитъ недоброжелательное отношеніе къ нему кого-либо изъ близкихъ людей, попытаться освободить душу отъ тяготящаго чувства сближеніемъ въ духѣ мира,

устраненіемъ поводовъ къ недоброжелательству. И не одинъ изъ пастырей Церкви, особенно молодыхъ, переноса отчужденіе новыхъ людей, быть можетъ, придумывалъ въ скорбной душѣ, какъ-бы безобидно для Церкви и себя, ея служителя, пристать къ тому, отъ чего его считаютъ отсталымъ, примириться съ тѣмъ, чему его объявляютъ враждебнымъ, устранить по возможности изъ обрядовой практики то, въ чемъ новые взгляды уже не видятъ символа, а только пустую, бессодержательную форму. Но взгляды эти и на обычаи старины, и на идею Церкви, и на законы рода, и на призваніе человѣка—мы видѣли—обнаруживаютъ въ новыхъ людяхъ горделивое неуваженіе къ самымъ основнымъ законамъ духа человѣческаго. Приставать къ такимъ взглядамъ значило бы пытаться обнять, удержать и держаться за то, что расплзается и распадается на мелкія части, не соединяемое организующимъ началомъ духа. Итъ, пастырямъ, питающимъ надежду путемъ возможныхъ уступокъ обозоружить негодованіе и озлобленіе новыхъ людей противъ себя, какъ служителей Церкви, и тѣмъ хотя нѣсколько утѣшить оскорбляемую отчужденіемъ душу—нужно оставить эту несбыточную надежду. Утѣшеніе для ихъ сердца, пораженного скорбію разобщенія—одно: это свѣтлое и возвышающее духъ сознаніе, что они—служители Церкви, служители не формъ преходящихъ, не символовъ идей, которыя свѣтили нѣкогда человѣческимъ поколѣніямъ и затмѣлись навсегда, когда возжглись новые свѣточы для человѣческой мысли, не письменъ и буквы мертвящихъ, а Божественнаго Духа, животворящаго человѣчество,—служители Любви, Божественной не только потому, что она одна объединяетъ всѣхъ людей въ единое всемірное братство, но и потому, что для Нея дорогъ и милъ и каждый отдѣльный членъ этого священнаго братства,—служители благодатной силы, которая одна свято и нерушимо хранить въ че-

ловѣчествѣ божественные законы, направляющіе его жизнь къ указаннымъ Творцемъ цѣлямъ въ гармоническомъ единствѣ естественно-духовнаго развитія,—служители негасимаго свѣта, широко и нескучно освѣщающаго пути жизни для «всякаго человѣка, грядущаго въ міръ», — служители идей, которымъ суждено вѣчно жить въ человѣчествѣ и своею зиждательною силою вѣчно влечь къ единенію и союзу съ родомъ человѣческимъ его отдѣльныя единицы, стремящіяся къ разобщенію и обособленію,—своею истиною вѣчно обличать ложь превозношенія и обращать развлекающуюся мысль человѣка къ истинному познанію человѣческаго существа и къ смиренному сознанію своего безсилія единично создать свое полное благо,—своею человѣчностью вѣчно и полно удовлетворять всѣмъ лучшимъ и всѣмъ законнымъ потребностямъ человѣка,—и своимъ величіемъ вѣчно исполнять человѣческія души благороднѣйшими стремленіями и возвышать ихъ къ небу. Вотъ утѣшеніе для добрыхъ пастырей Церкви—и этой «радости никтоже возьметъ отъ нихъ»...

Но если добрые служители Церкви въ этомъ сознаніи значенія своего служенія человѣчеству способны найти утѣшеніе для себя и прощать новымъ людямъ незаслуженное отчужденіе; то—это только съ ихъ стороны *пассивное, отрицательное* отношеніе къ современному неутѣшительному состоянію христіанскаго общества. Жалкія и печальныя явленія нашего времени, обнаруживающія въ обществѣ совершенное непониманіе или превратное пониманіе Церкви, которой они служатъ, должны расположить ихъ стать и въ *дѣятельное* отношеніе къ своимъ братьямъ о Христѣ. Если путемъ примирительныхъ уступокъ новымъ взглядамъ они не могли бы даже добиться отъ новыхъ людей человѣческаго отношенія къ себѣ; если, тѣмъ болѣе, путемъ уступокъ и всевозможныхъ сдѣлокъ имъ никогда не удастся отъ новыхъ убѣжденій добиться познанія Церкви и

признанія за всю истинно-человѣчнаго характера и нестареющей современности: то этого достигнуть имъ можно только тогда, когда они будутъ твердо и непоколебимо стоять на почвѣ православной Церкви, когда поставятъ себя въ *дѣятельныя* отношенія къ людямъ по духу Церкви, по ея истинно-божественному ученію. Въ нихъ видать служителей символовъ. Да, они служители, между прочимъ, и символовъ. Но, нужно прибавить, они, можно сказать, и облечены въ символъ: самая ихъ одежда, всегда и вездѣ покрывающая и широко обхватывающая весь станъ, есть какъ-бы символъ Церкви, обнимающей своею любовью и широко вмѣщающей въ себя все челоуѣчество, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ званій, всѣхъ челоуѣческихъ раздѣленій, всѣхъ душевныхъ состояній. Такова должна быть и жизнь истинныхъ пастырей Церкви! Положительнымъ отвѣтомъ ихъ на отчуждительное и презрительное отношеніе новыхъ людей къ Церкви должна быть прежде всего святая любовь, назпадающая словомъ и дѣломъ, и больше дѣломъ, чѣмъ словомъ, умудряющая, небуцающаяся о каждомъ изъ пасомыхъ, и особенно о дѣтяхъ ненаученныхъ, о сиротахъ безпризорныхъ, служащая успокоенію больныхъ, поспѣшающая на помощь и утѣшеніе скорбныхъ, примирающая враждующихъ, кротко вразумляющая невѣдущихъ, снисходящая къ нуждамъ бѣдствующихъ-словомъ, руководящая ихъ къ познанію Церкви не отвлеченно догматическими или грозно полемическими проповѣдями, а дѣятельнымъ трудомъ для ихъ духовнаго просвѣщенія-не только въ стѣнахъ св. храма, но еще болѣе въ ихъ жилищахъ, и особенно въ народной школѣ, этой родной сестрѣ св. храма. Много свѣта, много отрады и утѣшенія, много силы возбуждающей и развивающей, много любви обобщающей и связующей, много преданности и признательности оставить по себѣ эта дѣятельная любовь. По Божественному слову, любовь даруетъ

познаніе, любовь открываетъ тайны (1 Іоан. 4, 7, 8. 1 Коринѣ. 13). И любовь, дѣйствующая въ жизни пастырей, дастъ возможность многимъ познать православную Церковь такъ, какъ дотолѣ они не знали. Любовь откроетъ тайну Церкви, ея божественное призваніе, ея средства для спасительнаго воздѣйствія на міръ души человѣческой. Любовь прольетъ свѣтъ на тѣ чудные символы истинъ и ученій, исповѣдуемыхъ Церковью, которые она приняла отъ человечества, просвѣтленнаго и живущаго ея духомъ,—приняла и хранить, какъ вѣковѣчныя знаменія божественно-человѣческаго союза, ею основаннаго и поддерживаемаго на землѣ. Любовь объяснитъ глубокій смыслъ церковно-общественныхъ обычаевъ, которые выражаютъ возвышенные взгляды христіанскаго общества на жизнь и призваніе человѣка. Любовь поддержитъ колеблющихся въ помышленіяхъ, когда, по спокойномъ наблюденіи, они »отъ плодовъ познаютъ«, гдѣ твердая почва для истинно-человѣческаго развитія: тамъ-ли, гдѣ любовь теплая и симпатичная или гдѣ жесткость и безсердечность, обдающія холодомъ;—гдѣ участіе къ благу общему или суровая обособленность и разобщенность;—гдѣ смиренное пользованіе благами жизни и достойное ихъ употребленіе или презрительное злоупотребленіе дарами Божіими и даже драгоценнѣйшимъ изъ нихъ—разумомъ;—гдѣ живой союзъ съ міромъ человѣческимъ и уваженіе къ историческому преемству духовнаго достоянія временъ, прожитыхъ человечествомъ, или дерзкія и неразумныя поштыи все разрушать, все отвергать, чтобы вновь создать по собственному измышленію. Любовь даже, »омраченныя просвѣтитъ и расточенная соберетъ«; она вдохновитъ своимъ оживляющимъ дыханіемъ тѣ отдѣлившіяся единицы рода, въ которыхъ еще не совсѣмъ омертвѣли лучшія силы человѣческой природы, притягивающія ихъ инстинктивно къ общенію. Любовь возвыситъ свой убѣжда-

ющій и вразумляющій голосъ, и голосъ этотъ будетъ голосъ »пастырей добрыхъ, полагающихъ душу свою за овцы... и овцы гласъ этотъ услышатъ и по немъ идутъ... по чуждемъ-же не идутъ, но бѣжатъ отъ него«...

Евангельскіе образы двухъ возможныхъ нравственныхъ отношеній пастырей ко спасенію и благу человѣчества, поразительно жизненные образы »пастыря добраго и наемника«, пусть предстанутъ мысли служителей Церкви, когда они станутъ вдумываться въ свои отношенія къ настоящему духовному состоянію христіанскаго общества. Влекущій къ себѣ сердца, трогательный образъ пастыря добраго, душу свою полагающаго за овцы, — вотъ идеалъ, которымъ вдохновлялись во всѣ времена Церкви истинные пастыри, который и въ наше мятущееся время долженъ руководить всю жизнь и всѣми отношеніями пастырей въ ихъ служеніи человѣчеству. А наемникъ, видящій волка грядущаго и оставляющій овцы и бѣгающій« — да послужитъ грознымъ обличеніемъ для пастырей, перадищихъ объ овцахъ! Вдумываясь въ прискорбныя явленія современности, и особенно въ это горестное невѣдѣніе Церкви и ея священныхъ обычаевъ, и ея отношеній къ человѣчеству, они должны въ этомъ недостойномъ образѣ наемника видѣть для себя предостереженіе, чтобы и имъ не быть въ отвѣтъ предъ Владыкою міра за то, что стадо расхищается волками хищными, что союзъ христіанскаго братства распадается, что разложеніе и разобщеніе возрастаетъ, что живая вѣра и любовь замѣняются господствомъ формъ и фарисейскимъ поклоненіемъ, что духъ и истина видимо оскудѣваютъ въ христіанскомъ обществѣ...

Николай Богатиновъ.

РУССКОЕ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВО ПРИ ПЕТРѢ I-мъ ¹⁾).

(Окончаніе.)

Переходимъ къ изложенію обличительнаго элемента въ проповѣдяхъ Θεοφана Прокоповича и его послѣдователей. Будучи усердными панегиристами Петра В. и его реформы, проповѣдники Θεοфановскаго направленія естественно должны были обличать тѣхъ людей, которые были врагами Петра и его реформы, и тѣ стороны народной жизни, которыя почему-либо всего болѣе не соотвѣтствовали нравственнымъ идеаламъ преобразователя.

Врагами Петровой реформы были всего болѣе раскольники-старообрядцы, которые и самого преобразователя называли антихристомъ. Противъ нихъ и вооружался въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ Θ. Прокоповичъ, обличая ихъ въ крайней грубости и невѣжествѣ. Въ словѣ на 1 генваря 1725 г. проповѣдникъ говоритъ: »Новый годъ отъ сего дне начинаемъ: слава Богу! но не слава Богу у лжебратіи нашей раскольниковъ. Ибо ихъ учителя, желая славиться видомъ всякія премудрости, не довольно себѣ имѣютъ показывать искусство свое въ богословіи, чудные вопстпину составляя догматы и священнымъ писаніемъ парицая невѣдомыхъ авторовъ. Еще ктому служить имъ и фисіка-о зачатіи напрімѣръ младенца въ чревѣ матернемъ; и грамматика-о нарѣчіи *въжолъ*, а не *въжовъ*, и о имени Іисусовѣ; и географіа-о земномъ раи, о Римахъ и Вавилонлахъ; и ариѳметика-о аллилуіи; и архитектура-о дѣланіи крестовъ; и музыка-о церковномъ иѣніи; и мануфактура-о башилавбахъ и клубухахъ; и еще не знаю какая хитрость о сложеніи перстовъ, буде то не хиромантія: такъ много знаютъ ониіи господа. Чтоже? чудо было бы, если бы они оставили хронологію. Не оставили, ибо перенесенное съ сентемвріа на

¹⁾ См. № 48-й.

генварь новолѣтіе, которое уставн державнѣйшій монархъ нашъ,.. ставятъ въ великую ересь *пономари апостати* и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицають. Се видимъ и хронологи они суть изрядные! и было бы сіе людямъ ученымъ къ смѣху и забавѣ угодное, якоже и есть¹⁾. Въ другой проповѣди Ѳ. Прокоповичъ ведетъ рѣчь собственно о богословствованіи раскольниковъ, которое изображаетъ въ такихъ чертахъ: »И жалостно, и смѣшно видѣти, когда человѣкъ, перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навывшій, въ богословская дѣла вступивъ, учнеть вразумляти и сказывать о Богѣ, о ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо, и что не любо Богу, и что хранили надобно въ счастію, и что къ сбереженію отъ чаровъ, и кія дни къ такому и кія къ другому дѣлу угодныя, и которые псалмы или молитвы сильнѣйшія и прочія *безмѣстные басни*: да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословить, будто онъ восхищенъ былъ до третіяго небеси и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священное писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ или другихъ подобныхъ; часто на св. отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многожды въ разговорахъ бредивъ довольно восклицаетъ: *глубина богословія! великое дѣло богословія!* а онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуру«²⁾. Нельзя не признать того, что обличенія раскольниковъ Ѳ. Прокоповичемъ рѣзки, остроумны и согласны съ дѣйствительностію; но самая рѣзкость и насмѣшливость ихъ были причиною того, что они могли только раздражать раскольниковъ. Болѣе въ мягкомъ и примирительномъ духѣ написаны составленные также Ѳ. Прокоповичемъ *унищанія отъ лица святѣйшаго синода къ расколуучителямъ съ приглашеніемъ въ синодъ для безопас-*

¹⁾ Теоф. Прокоповича слова. II, 114-115. ²⁾ Ѳ. Прокоповича. II. 245-246.

наго собесѣдованія о предметахъ вѣры ¹⁾, къ продержателямъ, неразумно дерзающимъ на мученіе и къ невѣждамъ, т. е. къ простымъ раскольниковамъ.

Не говоря уже о раскольникахъ, порицателями Петровой реформы были весьма многіе и между православными. Духовные роптали на учрежденіе монастырскаго приказа и другія стѣснительныя для нихъ распоряженія по дѣламъ церковнаго управленія; міряне роптали на тягости, различныя съ реформою, и на самую реформу, цѣли и значенія которой не понимали. Ѳ. Прокоповичъ не щадилъ въ своихъ проповѣдяхъ ни тѣхъ, ни другихъ, тѣмъ болѣе, что ропотъ ихъ доходилъ иногда до прямого возстанія противъ монарха. »Увы окаянства! увы злословія временъ нашихъ! восклицаетъ проповѣдникъ,.. »до того пришло, что уже и самыя бездѣльныя въ дѣло, да въ дѣло и мерзкое, и дерзкое! уже и дрожде народа, души дешевыя, люди ни къ чему иному, точію къ пояденію чуждыхъ трудовъ родившіяся, и тѣ на Государя своего, и тѣ на Христа Господня! Да вамъ, когда хлѣбъ ясте, подобало бы удивлятися и глаголати: *откуда ми сіе!* Возобновилася намъ воистинну исторія о Давидѣ, на его же и слѣпи и хроми бунтъ поднесли« ²⁾. У противниковъ Петровой реформы проповѣдникъ не находилъ никакихъ основаній для оппозиціи, кромѣ ихъ безразличнаго и безразсуднаго пессимизма, общаго мрачнаго взгляда на міръ Божій. »Суть нѣщы, говоритъ проповѣдникъ—(и далъ бы Богъ дабы не были многіе), или тайнымъ бѣсомъ льстимъ, или меланхохіею помрачаемъ, которые такового нѣкоего въ мысли своей имѣють уroda, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что—либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и не богопротивно, напимѣръ

¹⁾ Полн. Собран. Закон. №№ 3925. 4053. 4635. ²⁾ Ѳ. Прокоповича. I, 262—263.

лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми, самого счастья не любятъ, и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: еще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ: хотѣли бы были всѣмъ человѣкомъ злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ еллии древніи нарицали *мисантропи*, сн-есть *человѣконенавидцы*... Сии наипаче власти безчестити не трепещутъ, и всякую власть мірскую не точію не, за дѣло Божіе имѣютъ, но и въ мерзость вмѣняютъ¹⁾. Но конечно со стороны проповѣдника слишкомъ поверхностно было объяснять недовольство противниковъ реформы исключительнo ихъ безразсудною мизантропіею: было отъ чего затаревать и пороптать подданнымъ Петра даже при самомъ долготерпѣливомъ и благодушномъ взглядѣ на жизнь; только они не умѣли сформулировать и высказать, какъ слѣдуетъ, причинъ своего неудовольствія. — Лица духовныя, по выраженію Петра, не въ авантажѣ обрѣтавшіеся, какъ болѣе образованные, умѣли выставить какъ бы каноническое основаніе своего неудовольствія противъ Петра, заявляя, что Петръ касаясь своими реформами положенія церкви и духовенства, распоряжается дѣлами и лицами, ему не подсудными. »Се тернъ есть, или паче рещи жало (восклицаетъ Ѳ. Прокоповичъ), но жало се змѣино есть, папешскій се духъ, но не вѣмъ какъ то досягающій и касающійся насъ«. Приводя изъ исторіи ветхозавѣтной и древне-христіанской церкви многіе примѣры подчиненія духовенства государственной власти, проповѣдникъ заключаетъ ихъ слѣдующимъ характернымъ удостовѣреніемъ: »аще не тако есть, самымъ лучшимъ лживцомъ мене назови«²⁾. — Выше мы

¹⁾ Ѳ. Прокоповича слова. I, 241—242. ²⁾ Ѳ. Прокоповича слов. I, 257—260.

уже видѣли, что проповѣдники говорили противъ людей, ропщущихъ на войну и на построеніе новой столицы.

Имѣя въ виду нравственные идеалы Петра I-го, проповѣдники старались обличать въ современныхъ русскихъ людяхъ тѣ пороки, коихъ особенно не любилъ Петръ I-й, и какіе тѣмъ не менѣе были сильно распространены въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Какъ человѣкъ честный и прямой, Петръ особенно ненавидѣлъ лицемеріе во всѣхъ сферахъ жизни и преимущественно въ религіозной. Сохранилась собственноручная записка Петра съ толкованіемъ 10 заповѣдей, въ которой, исчисливъ грѣхи противъ каждой заповѣди особо, государь въ заключеніе предлагаетъ слѣдующее размышленіе: »описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, единъ токмо нахожу грѣхъ лицемеріе не обрѣтающійся, — чего для? Того ради, понеже заповѣди суть разны и преступленія разны противъ каждой, сей же грѣхъ всѣ вышесписанные въ себѣ содержитъ«. Любопытны соображенія, по которымъ государь признаетъ лицемеріе грѣхомъ противъ каждой изъ заповѣдей. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ соображеній. »Противъ I-й грѣхъ есть атеизмъ (атеизмъ), который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса, все вымысленныя; и когда сами они вымыслили, то вѣдаютъ, что уже не Богъ то дѣлалъ, но они; какая же вѣра въ опыхъ, а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты... Противъ V-й (*не убій*)¹⁾: который разбойникъ на свѣтѣ можетъ только людей погубить, какъ заводчикъ бунту, и все то чинять образомъ святыни, подъ видомъ агица, прикрытые его кожей. На VI-ю (*не прелюбы сотвори*): какъ бы могъ мужъ незнакомаго человѣка къ женѣ допустить, и особливо бодрого и хорошаго, а ханжу

¹⁾ Петръ I-й очевидно придерживался счета заповѣдей, употребительнаго въ нѣмецкой библіи.

еще и подъ руку принявъ отвелъ для благословенія и пророчества, и провожая назадъ руки выцѣлуетъ и навзланяется, считая за великую себѣ добродѣтель (что такого одескаго сына во свояки себѣ принялъ). На VII-ю (*не укради*): не токмо одною рукою, но духомъ и обоими все крадутъ. На VIII-ю (*не лжесвидѣтельствуй*): въ семь ихъ и мастерство состоить, какъ выше писано. На IX и X-ю (*о нежеланіи чужаго*): сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ питаться, какъ слѣдуетъ? Скажутъ, что явился икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобы на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два брестыянныя пришли и сказали такое явленіе, чтобы построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. И тако сей грѣхъ все въ себѣ содержитъ... Христосъ Спаситель ничего апостоламъ своимъ бояться не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: *блюдитесь, рече, отъ кваса фарисейска, еже есть лицемеріе* ¹⁾).

Русское общество еще съ XVI в. было богато ханжами, ложными юродивыми, сказывателями ложныхъ чудесъ и видѣній, — какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ стоглавый соборъ. Ко времени Петра В. число ханжей увеличилось, юродивый считался почти необходимою принадлежностію каждаго знатнаго дворянскаго дома. Даже такіе высокопоставленные лица, какъ Досиѳей, епископъ ростовскій, (впослѣдствіи лишенный сана), позволяли себѣ выдумывать ложныя видѣнія. Петръ I-й боролся не съ призракомъ, а съ дѣйствительнымъ жизненнымъ явленіемъ, и въ этой борьбѣ усердно помогали ему проповѣдники въ родѣ Ѳ. Прокоповича. Лицемеріе (разсуждаетъ Ѳ. Прокоповичъ) есть сугубое: *тонкое* и *белое*. *Тонкое* нарицаю лицемеріе, когда самихъ себе прель-

¹⁾ Соловьева. Ист. Россіи. XVIII, 200—202.

щаемъ, мнящися быти боголюбцы, а отъ любви Божіей далече отстояще... Напримѣръ постится нѣкто тѣлеснѣ, а не духомъ: молитвы творитъ многословіемъ, а не духомъ и умомъ, велерѣчитъ о нестяжаніи, а самъ и крадетъ; славить милостыню, а самъ и ограбляетъ и симъ подобная; аще же къ тому сотворитъ нѣчто внѣшнее, подастъ во храмъ Божій приношеніе или убогому цату тысящную сотой части отъ излишества своего..., уже безстрашенъ и безпечаленъ ходитъ, аки бы не должникъ, но заподавецъ Божій... Но се еще лицемѣріе *тонкое*, обаче Богу мерзкое; то кольми паче другое, оное *дебелое*. Се же есть, егда не сами мнимою намъ святынею прельщаемся, но нарочно притворяемъ ухищренный видъ святости въ прельщеніе людей, се же ради легкаго прибытка и пріобрѣтенія суетной славы. То творимъ, егда предъ людьми воздержницы быти показуемся..., смѣжаемъ очи, умильно ослабляемся... плачь явити тщимся, хотя не текутъ слезы... и куда возшло лукавство оное?

Сонія и видѣнія видятъ святіи сіи идоли, дабы прельстити *къ себѣ сердца незлобивыхъ и снискати честь и имѣніе*. И какъ то смѣшно, а имъ благополучно дѣется: тое пріобрѣтаютъ ложнымъ сномъ, чего другіи не могутъ истиннымъ трудомъ¹⁾.

Лицемѣры послѣдняго рода, обманывающіе другихъ ради собственныхъ выгодъ, могутъ плодиться только среди суетнаго и невѣжественнаго общества, могутъ эксплуатировать только неразумныхъ простаковъ, способныхъ поддаваться обману. Изъ такихъ суетныхъ простаковъ состояло въ то время большинство русскаго народа; и проповѣдники не могли мпновать своимъ вниманіемъ печальнаго въ религіозномъ отношеніи состоянія массы народа. Вотъ характерное изображеніе народныхъ суетвѣрій у одного изъ

¹⁾ Ө. Прокоповича слова. I, 217.

тогдашнихъ проповѣдниковъ Теофановскаго направленія (у Симона Кохановскаго). »Воззримъ на злобу, которая такъ въ народѣ нашемъ умножилася и тако укоренилася. яко никакимъ способомъ и никакою силою человѣческою отнюдь не возможно искоренити. Имя злобѣ оной-забобоны, спрѣчь суевѣріе или злочестіе, отъ котораго удобъ рождается безбожіе... Напр. избрали себѣ мужики въ году 12 пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили симъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится и молебень имъ наймуетъ; то по различію пятницъ, различныя отъ нихъ дарованія пріемлетъ; первая пятница великаго поста избавляетъ отъ незанная смерти; пятница, которая предъ Благовѣщеніемъ, избавляетъ отъ убійства, а которая предъ Ильинымъ днемъ избавляетъ отъ вѣчныя муки... Что же когда еще пойдемъ до окаянной *мушницой* или паче до блбской богословіи и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую пѣсню почитати и которой не почитати? Иномъ или масломъ писмена? старая или новая? на доскѣ, на холстѣ или на *бумагѣ*? какой *крестъ* на *церьвахъ* ставити осмизначный или четвероконечный?... Бабскими баснями и *мушницами* забобонами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не толико священники и прочіи книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльные деревенскія бабы всю тую дьявольскую богословію наизусть имѣютъ—которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая, которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды, которая отъ вѣчныя муки; что ясти и чего не ясти, что пити и чего не пити и прочая симъ подобная бездѣлья и пдослуженія. А молитву Господню *Отче нашъ* развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколько просфорахъ обѣдию служити,—есть о томъ ссорятся, а что есть причастіе тѣла и крове Христовой, о томъ и не поминай... Сказки бездѣльныя, скверныя бабін пѣсни... и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а 10 *заповѣ-*

дей Божіихъ и старые мужики того не знаютъ¹⁾). На такой, тучной суевѣріемъ, почвѣ удобно могли расти и процвѣтать ханжи и религіозные обманщики. На эту связь между невѣжествомъ народа и успѣшнымъ лицемѣріемъ самозванныхъ вождей народа указываетъ въ одной проповѣди Ѳ. Прокоповичъ. »Какое невѣжество въ сердца многихъ вселилося!... ищутъ пути спасеннаго у сыновъ погибельныхъ, вопрошаютъ: *какъ спастися?* у лицемѣровъ, мнимыхъ святцевъ и развѣ для того безгрѣшныхъ, что о грѣхахъ своихъ не помышляютъ. Что же они? видѣнія сказуютъ, аки бы шпіонами къ Богу ходили, притворныя повѣсти, то есть бабія басни баютъ, заповѣди бездѣльная, храненія суевѣрная владутъ, и такъ безстыдно лгутъ, яко стыдно бы воистинну и просто человѣкомъ, не точію честнымъ, нарещися тому, кто бы такъ безумнымъ расказчикамъ вѣрилъ, обаче мнози вѣрують, увы окаянство! О слѣпіи спасенія искатели, ихже таковое бусловіе улаждасть²⁾!

Суровыя обличенія суевѣрію и лицемѣрію совпадали съ общимъ духомъ Петровой реформы. Припомнимъ строгіе указы Петра противъ кликушъ³⁾, о снятіи отъ образовъ привѣсокъ⁴⁾;—составленную Петромъ архіерейскую присягу, въ которой новопоставленному архіерею вмѣнялось въ обязанность наблюдать, *дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было,—дабы.. притворныхъ бѣснующихъ въ колтукахъ, босыхъ и въ рубашкахъ не точію наказывать, но и мірскому суду отсылать; дабы св. иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли и пр.*⁵⁾. Припомнимъ, какъ Петръ заботился

¹⁾ Пекарскаго, наука и литература при Петрѣ. I, 493—4. Нѣчто подобное есть и у Теофана Прокоповича въ словѣ по поводу открытія св. синода. II, 66.

²⁾ Ѳ. Прокоповича слова. II, 16. ³⁾ Полн. Собр. Зак. № 2906. ⁴⁾ Тамъ же, № 3888. ⁵⁾ Тамъ же, № 2985.

разогнать мракъ религіознаго невѣжества, окружавшій русскихъ людей. Сохранилась маленькая собственноручная записка Петра: *чтобъ мужикамъ сдѣлать какой нибудь маленькой регулъ и читать по церквамъ для просвѣщенія*. »Понеже (объясняетъ государь въ указѣ синоду 1724 г. о приготовленіи такого регула),—понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны, и прочее, тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладанъ»¹⁾. Итакъ—повторяемъ—обличительныя проповѣди противъ суевѣрія и ханжества совпадали съ общими духомъ Петровской реформы; но дѣйствовали ли онѣ на тѣхъ, противъ кого были направлены обличенія? Едва ли. Отрицаніе всегда заимствуетъ силу изъ положительныхъ принциповъ, во имя которыхъ совершается обличеніе. Положительный же нравственный принципъ проповѣдей Феофановскаго направленія, который только и могъ давать силу обличеніямъ, можетъ быть кратко выраженъ такъ: «вѣруй въ спасительную силу страданій Спасителя и исполняй обязанности своего званія: остальное все или безразлично въ дѣлѣ спасенія или прямо относится къ области душевреднаго суевѣрія». Такой принципъ для многихъ,—даже духовныхъ лицъ, казался соблазнительнымъ и лютеранскимъ, потому что проповѣдники будто-бы давали въ немъ слишкомъ много значенія вѣрѣ, и слишкомъ мало—добрымъ дѣламъ, относя нѣкоторыя изъ нихъ (напр. посты, пожертвованія на храмы и пр.) даже прямо къ области суевѣрія. Сохранилась критика Маркелла Родышевскаго на проповѣдь Симона Кохановскаго, гдѣ Маркель обличаетъ проповѣдника въ лютеранствѣ именно за уничтоженіе добрыхъ дѣлъ²⁾. Изъ слѣд-

¹⁾ Соловьева. Истор. Россіи. XVIII, 219. 220.

²⁾ См. соч. Чистовича: *Феофанъ Прокоповичъ и его время*. Стр. 447—448.

ственныхъ дѣлъ той эпохи мы знаемъ, что Ѳ. Прокоповичъ и люди того же направленія пользовались репутаціею еретиковъ. Простой народъ, хотя и не понималъ догматическихкихъ тонкостей, но внималъ рѣчамъ, что новые проповѣдники-еретики, отметають добрыя дѣла и называютъ ихъ суевѣріемъ,—и разумѣется не былъ расположенъ слѣдовать ихъ ученію. Болѣе значенія могли имѣть проповѣди Ѳеофановскаго направленія для образованныхъ русскихъ людей, которые и безъ того самую жизнь выдвигались въ область болѣе свѣтлыхъ и широкихъ воззрѣній.

Намъ остается указать отношеніе проповѣдей Ѳеофановскаго направленія къ старинной южно-русской проповѣди и къ послѣдующему русскому проповѣдничеству.

Ѳ. Прокоповичъ и въ теоріи и въ практикѣ отрицалъ преданія южно-русской гомилетики. Въ расположеніи проповѣдей онъ не хотѣлъ пользоваться аллегоріями, бурезными вопросами и тому подобными приемами хитрой схоластики. Онъ располагалъ проповѣдь соответственно той основной мысли, какую ему нужно было раскрыть или доказать. Задачею проповѣди опредѣлялся ея составъ. Напр. проповѣдникъ говоритъ *слово* по случаю коронаванія Петромъ Императрицы Екатерины Алексѣевны 7 мая 1724 г.¹⁾ и разумѣется имѣетъ въ виду доказать, что И. Екатерина коронована праведно и заслуженно. Для этого Ѳеофанъ приводитъ изъ исторіи примѣры знаменитыхъ женъ, удостоившихся царскаго вѣнчанія, за свои доблести, показываетъ, что Екатерина въ одной себѣ совмѣщаетъ всѣ эти доблести, старается представить сея нравственный образъ въ чертахъ возможно-привлекательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что такое чрезвычайное возвышеніе И. Екатерины

¹⁾ Ѳ. Прокоповича сл. II, 104—111.

могло совершиться не безъ особеннаго смотрѣнія Божія. Мы видимъ, что планъ проповѣди совершенно соотвѣтствуетъ ея содержанію и тому случаю, по которому она написана. То же и въ другихъ проповѣдяхъ Теофана и его подражателей.

Что касается до *источниковъ* при составленіи проповѣдей, то Теофанъ пользовался этими источниками не такъ, какъ южно-русскіе проповѣдники. Библію изучалъ онъ самъ въ себѣ, а не по симфоніямъ и конкорданціямъ; поэтому у него тексты приводятся къ дѣлу, а не панизываются случайно на основаніи сходства въ одномъ словѣ. Латинско-польскими *казнодѣями* Теофанъ вовсе не пользовался, не потому чтобы не зналъ ихъ, но потому что не сочувствовалъ ихъ проповѣдничеству, считая его не достойнымъ церковной кафедры. Свѣденій изъ естествознанія Теофанъ также не приводилъ въ проповѣдяхъ, вѣроятно потому что не принималъ фантастичность средневѣковаго естествознанія, а познакомиться какъ слѣдуетъ съ естественными науками въ ихъ современномъ развитіи не находилъ удобства и досуга. Но за то исторіею какъ церковною, такъ и гражданскою Теофанъ пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Иногда бѣльшая половина проповѣди наполнена доводами, заимствованными изъ исторіи. Исторія являлась у Теофана служебницею его церковно-политическихъ тенденцій, а вовсе не сборникомъ занимательныхъ анекдотовъ, какъ это было у южно-русскихъ проповѣдниковъ. Даже анекдотическіе рассказы, мельбающіе по мѣстамъ въ проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича, приведены не во имя одной только занимательности, а къ мѣсту и къ дѣлу. Такъ весьма удачно Ѳ. Прокоповичъ приводитъ примѣры изъ древней исторіи, чтобы пристыдить Карла XII, пользовавшагося помощію пзмѣнника Мазепы. »Величеству, російскій гонителю, и имени твоему честно ли было принимать помощь измѣнническую? а такъ мудріи и великодушніи государи обыкли, что всегда

имѣли сіе за стыдное и безславное себѣ. Слышалъ ли еси въ исторіяхъ, какъ Фабрицій, вождь римскій, поступилъ съ Пирромъ, царемъ Епиротскимъ? когда прибѣгъ къ нему измѣнникъ отъ Пирра, общаясь, что можетъ погубить государя своего, Фабрицій его отослалъ къ Пирру, за стыдъ себѣ имѣя такъ побѣждати непріятеля. Слышалъ ли еси о Александрѣ великомъ, какъ отвергъ посольство Бесса и Набарзана, Даріевыхъ измѣнниковъ, которые ему Дарія предати обѣщали? самихъ же потомъ, убившихъ государя своего, смерти предаде¹⁾. Весьма кстати, разсуждая о пользѣ монархіи, Ѳ. Прокоповичъ приводитъ анекдотъ о Жмудскомъ властителѣ Вейдевутѣ, который, когда его соотчичи, наскучивъ междоусобіями, обратились къ нему за совѣтомъ, «таковую къ нимъ рѣчь произнесъ: *аще бы, рече, о людѣ, не были вы глупіиши отъ пчелъ вашихъ, было бы добро вамъ*. Вопросы, въ чемъ они глупіиши отъ пчелъ. *Въ томъ, рече, яко пчелы, малыя и безсловесныя мухи, имѣютъ царя, вы же человецы не имаете*. Восплеснули на совѣтъ и тогожъ часа самого его государемъ себѣ быти понудили²⁾. Точно также любили пользоваться доводами изъ исторіи и другіе проповѣдники Теофановской школы. Доводъ изъ исторіи Россіи о необходимости для нея монархизма сдѣлался у нихъ почти общимъ мѣстомъ³⁾. Но достойно замѣчанія, что католическія легенды и разсказы о чудесахъ, нерѣдко приводимыя южно-русскими проповѣдниками, были совсѣмъ изгнаны изъ проповѣдей Теофана и его подражателей.

Что касается до *внѣшнихъ особенностей изложенія*, то у проповѣдниковъ Теофановской школы не было стремле-

¹⁾ Ѳ. Прокоповича сл. I, 160—161. ²⁾ Ѳ. Прокоповича сл. I, 247. ³⁾ Слич. Ѳ. Прокоповича сл. I, 108 и слѣд. III, 163 и слѣд. Г. Бужинскаго сл. 176—179.

нiя озадачивать слушателей неожиданными эффeктами, возбуждать въ нихъ испугъ, смѣхъ или недоумѣнiе, какъ это дѣлала южно-русская проповѣдь. У разбираемыхъ нами проповѣдниковъ почти не находимъ и шутливыхъ анекдотовъ, которыми такъ любила занимать и забавлять слушателей южно-русская проповѣдь. Есть впрочемъ одинъ и единственный анекдотъ въ проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича, болѣе обличительный, чѣмъ забавный. »Два человека вошли въ перковь не помолитися, но вразити. Одинъ былъ въ чистомъ платьѣ, а другiй въ рубищѣ и лаптяхъ: а договоръ былъ у нихъ не во общую корысть собирать, но что кто захватитъ, то его. Лавотникъ искуснѣйшiй былъ, и тотчасъ во олтарь да на престолъ, и обираючи заграбилъ что было тамъ. Взяла зависть другаго, и аки бы съ ревности: *ни ли ты, рече, боишися Бога, въ лаптяхъ на престолъ святой схватился?* А онъ ему: *не кричи, братъ, Богъ не зримъ на платье, на совѣсть зримъ.* Се совѣсти вашей зеркало, о безгрѣшники! Анекдотъ вѣрно, но крайне рѣзко и желчно, характеризуетъ спутанность понятiй о добрѣ и правдѣ, существовавшую въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, наполненномъ суевѣрами и лицемерiями. — Вмѣсто благодушной, словоохотливой и какъ бы ребяческой шутливости южно-русскихъ проповѣдей мы находимъ кое-гдѣ въ проповѣдяхъ Теофановской школы иронiю ѣдкую и мрачную, какою только способенъ человекъ въ жару борьбы клеймить своихъ противниковъ тупыхъ или недобросовѣстныхъ. Вотъ напр. иронiя надъ Мазепою, который мечталъ вмѣстѣ съ Карломъ XII обратить въ бѣгство полки русскiе и вступить въ Москву. »О измѣнниче, не токмо тѣломъ, но и вѣроломствомъ хромой! вилъды нынѣ, како подъ крѣпчайшую руку отдался еси; нынѣ ругайся росiйскому воинству, яко не военному; нынѣ познай, кто бѣгствомъ спасается: сiя бо бѣху между иными укоризны твоя. Но и пророче-

ство твое, ниже своей силѣ на Москвѣ быти прореклъ еси, отчасти истинно, и отчасти ложно есть; мнози бо уже достигша Москвы (т. е. плѣнные), но мнози подѣ Полтавою возлюбиха мѣсто« (т. е. убитые) ¹⁾. А вотъ иронія надѣ суевѣрами: »что видятъ (они) христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити напр. въ церковь, хранить посты уставленные, весело проводить праздники, жигати свѣщи, употреблять крестное знаменіе и прочая; то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ, какъ *мартышки*, внѣшній видъ только христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго духовнаго отнюдь не имѣя« ²⁾. Иронію проповѣдника надѣ раскольниками мы уже видѣли выше.

Такъ какъ проповѣдники Теофановской школы при составленіи каждой проповѣди имѣли извѣстную задачу, опредѣлявшую планъ и содержаніе проповѣди, то естественно они не могли и не хотѣли пользоваться *общими мѣстами*, которыя такъ усердно рекомендовала южно-русская гомилетика. Ни Теофанъ, ни кто-либо изъ его подражателей не сталъ бы напр. хвалить Петра или Екатерину, занимствуя матерію для похвалы отъ имени, герба, возраста и т. д., тѣмъ болѣе не сталъ бы наполнять цѣлую проповѣдь соображеніями, возбужденными по поводу подобныхъ внѣшнихъ случайныхъ сближеній. Отбросивши старыя *общія мѣста*, проповѣдь Теофановскаго направленія не выработала новыхъ, именно въ слѣдствіе своей спеціальной приуроченности къ каждому данному случаю. Если бы мы пожелали уловить какіе нибудь общіе приемы въ проповѣдяхъ Теофановскаго направленія, то могли бы найти нѣчто сходное съ приемами искуснаго адвоката, тщательно группирующаго и разставляющаго въ извѣстной перспективѣ всѣ важныя

¹⁾ Θ. Прокоповича слова. I, 44. ²⁾ Θ. Прокоповича слова. II, 247.

и неважныя обстоятельства, могущія смягчить вину или усилить заслугу. Такъ,—чтобы въ болѣе разительномъ видѣ представить важность полтавской побѣды Ѳ. Прокоповича мастерски и даже нѣсколько преувеличенно представлять силу Шведовъ и затруднительныя обстоятельства Петра, чтобы доказать дѣйствіе божественной, а не человѣческой силы въ обращеніи міра ко Христу проповѣдникъ превосходитъ сопоставляетъ силу языческаго міра и слабость апостоловъ ¹⁾).

Имѣла ли проповѣдь Ѳ. Прокоповича и его подражателей вліяніе на послѣдующую судьбу русскаго проповѣдничества? Имѣла и весьма большое.

По отношенію къ техникѣ проповѣдническаго искусства вліяніе Теофана было болѣе разрушительное. Онъ отбросилъ и осмѣялъ приемы и правила латинно-польской и южно-русской гомилетики, правда рутинныя, но способствовавшіе тому, чтобы проповѣдникъ по крайней мѣрѣ не молчалъ на кафедрѣ. Чтобы порвать связь съ преданіями схоластической проповѣди, Теофанъ въ *регламентъ духовномъ* запретилъ даже читать «казнодѣйшкова легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бываютъ».

Разрушивъ формальную гомилетику, Теофанъ обратилъ все вниманіе на содержаніе проповѣди. Жизнь давала богатые матеріалы для проповѣдей Теофану и его подражателямъ, стоявшимъ въблизи центра государственной власти. Въ теченіе всего XVIII вѣка сохранилось званіе *придворнаго проповѣдника* съ тѣмъ же характеромъ публицистическимъ, какой былъ приданъ ему Теофаномъ. Но что было дѣлать проповѣдникамъ, жившимъ въ глуши, вдали отъ двора, для которыхъ политика внѣшняя и внутренняя были *terra incognita*? И такимъ проповѣдникамъ Теофанъ указалъ соответствен-

¹⁾ Ѳ. Прокоповича сл. I, 143—165. II, 21—44.

ную программу: »Проповѣдали бы проповѣдники твердо съ доведовъ св. писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, начеже самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бѣ суевѣріе, вкореняли бѣ въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ: испытывали бѣ отъ св. писанія, что есть воля Божія благая, и угодная, и совершенная, и то говорили бѣ«¹⁾. Не всѣ проповѣдники могли понять и усвоить эту программу, не всѣ могли выполнить ее, не всѣ могли согласиться съ нею въ ея частныхъ пунктахъ. Слѣдствіемъ было частію безмолвіе русской проповѣди, частію возвращеніе къ преданіямъ схоластической гомилетики, которая учила много говорить и не сказать ничего опредѣленнаго. Тѣмъ не менѣе требованіе отъ проповѣдей содержательности и жизненности было такъ твердо заявлено Теофаномъ и его подражателями, что уже не могло быть изглажено и легло въ основу всего послѣдующаго развитія русской проповѣди.

Ф. Т.

¹⁾ *Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдывать долженъ въ IV ч. соч. Теофана.*